

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л64

Литвинова, Дарья Сергеевна.

Л64 Убойная примета / Дарья Литвинова. — Москва : Эксмо, 2024. — 320 с. — (Детективы Дарьи Литвиновой. Реальные истории от следователя СК).

ISBN 978-5-04-205318-4

В камышах недалеко от дороги лежит тело девушки: одна нога подогнута, вторая выпрямлена, руки под телом. Рядом — черная женская сумочка. Все, за исключением, лица обожжено. Знакомый почерк...

Кровавый маньяк терроризирует округу уже несколько лет подряд. Сыщики сбились с ног. Несмотря на обилие эпизодов, выяснить приметы преступника не удастся. Единственная зацепка — бежевые «жигули», замеченные случайным свидетелем после одного из происшествий. Но точно установить машину и ее владельца не представляется возможным.

Количество жертв становится угрожающим. Пока внимание оперативников не привлекла одна неожиданная находка...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-205318-4

© Литвинова Д.С., 2024
© Оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2024

Несмотря на совершенствующиеся с каждым годом технологии, количество заявлений о пропавших без вести неизменно растет и, к сожалению, не пропорционально количеству найденных людей. Тем более найденных живыми. Хотя, возможно, найти человека мертвым зачастую лучше, чем годами ждать, вернется близкий человек или нет, и так и не дождаться.

Несмотря на совершенствующиеся с каждым годом тактики, методики расследования, а также повсеместное улучшение технического сопровождения, количество преступников также неизменно растет. И к сожалению, далеко не всех удается привлечь к ответственности по ряду причин, не последние из которых — несовершенство законодательства и нехватка квалифицированных кадров. Хотя, возможно, лучше отпустить виновного, чем покарать невинного.

Несмотря ни на что, человеческий фактор был и остается существенным звеном на любом этапе работы правоохранительных органов.

И это, возможно, к лучшему.

Заявителей капитан милиции Постовенцев про себя делил на три категории.

Первые при подаче заявления вели себя адекватно, соразмеряя свои потребности с возможностями уголовного розыска. Если у таких похищали личное имущество, они старательно перечисляли все его приметы, понимающе кивали, когда капитан рассказывал, как сложно в этом диком мире поймать и обезвредить преступника, и не настаивали — просили о том, чтобы со стороны милиционеров были предприняты все возможные меры для поиска виновного. Если они приходили подавать заявление о пропавшем без вести, то досконально вспоминали все, что тот говорил им последнее время, указывали на круг друзей пропавшего, зачастую не только с адресами, но и с телефонами, и не названивали капитану по десять раз на дню с вопросом, не нашелся ли их безвестно отсутствующий.

Вторая категория, не слишком вменяемые граждане, были личностями скандальными и малообразованными. Пропив в хмельном угаре деньги, вырученные от продажи квартиры или

автомобиля, а то и просто дорогого телевизора, они являлись в уголовный розыск с требованием вернуть им нажитое непосильным трудом, как будто это сотрудники милиции обманом в течение недели заливали в их глотки паршивый самогон и потихоньку воровали деньги. На объяснения, что в действиях их собутыльников нет состава преступления, ибо никто не заставлял мнимого потерпевшего разбрасываться купюрами различного достоинства и орать при этом, что нынче он гуляет, заявители реагировали бурным возмущением и требованиями принять их заявление, потому что «ну никак я не мог за неделю две тыщи прожрать, ну никак».

Прожирали и больше, но возмущались и от меньших сумм. Все заявления таких невменяемых граждан так или иначе были либо надуманными, либо настолько абсурдными, что проводить по ним любые мероприятия казалось полным бредом, но не принять сообщение о преступлении, когда гражданин на этом настаивает, сотрудники милиции не имели права и честно отработывали каждую такую чушь, поступившую в отдел.

Если невменяемые граждане приходили с сообщением о пропавшем без вести родственнике, тут уж хоть рапорт пиши на увольнение — тяготина начиналась уже с первых минут подачи заявления. Заявитель не помнил, во что был одет

пропавший, с трудом называл особые приметы и зачастую понятия не имел, куда мог уйти его родственник. Иногда заявитель не мог предоставить даже фотографию пропавшего. Несмотря на это, подача заявления непременно сопровождалась возмущением, вызванным слишком подробными вопросами о внешности пропавшего, типа: «Откуда я знаю, какие у него зубы, что я, в рот ему смотрел?» и брюзгливым пожеланием лучше работать, а не заниматься глупостями вроде перечисления круга лиц, к которым мог пойти потерявшийся. «Да в жизни он с ними не общался, вот только время зря тратите». Нервов они выматывают много, толку от них мало, а пропавшие без вести находятся зачастую через два-три дня с похмельными рожами и отсутствием пропитой верхней одежды.

Сидящая перед Постовенцевым бабка квалифицировалась как заявитель третьей категории.

К вышеназванным относились граждане, которые приходили в милицию только для того, чтобы занять свое свободное время, а заодно помотать нервы сотрудникам. В действительности им не нужна была никакая помощь со стороны правоохранительных органов, им просто нечего было делать дома, в связи с чем ими выдумывались и писались заявления одно краше другого по своей изощренности.

В милицию поступали то тревожные сигналы о зеленом поносе поросят, которых сосед явно притравливает ядовитыми испарениями; о нанесении почти смертельного оскорбления: «После этого гражданин М. сообщил, что я курва, чем унизил меня перед моими соседями и причинил нравственные страдания».

В ста процентах случаев заявительница курвой и оказывалась, и в не меньшем количестве понос поросят был вызван низким качеством корма, а не происками соседа, однако любое сообщение о преступлении подлежало рассмотрению, а значит, участковый или другой сотрудник, выполняющий функции дознавателя, ехал на служебной машине на место происшествия и долго объяснял гражданину М., что «курва» — слово, конечно, литературное, но ругательное, и бросаться им в неудобных соседей не рекомендуется. Либо опять же вдумчиво изучал цвет свиного поноса и делал квалифицированный вывод об отсутствии в действиях соседа состава преступления.

Бабка, заявившаяся в милицию в это раннее утро, явно была настроена решительно, по-боевому.

— У меня пропала дочь.

— Когда пропала?

— А вы что, записывать не собираетесь? — Тут же склочным тоном поинтересовалась бабка. По-

стовенцев посмотрел на ее ярко покрашенные губы — куриная гузка, — на взбитый пук седых волос на голове, на хищные острые ногти чуть искривленных пальцев и глубоко вздохнул — про себя.

— Сначала я хотел бы выяснить обстоятельства.

— Вот записывайте и по ходу дела выясняйте. Мне учить вас, что ли?

— Учить меня не надо, — как мог вежливо сказал капитан, представляя хук слева. — Кратко расскажите об обстоятельствах исчезновения вашей дочери, после чего я буду заполнять протокол-заявление.

— Почему бы вам сразу его не заполнить, чтобы не терять ни мое, ни свое время?

— Время мы теряем, пререкаясь друг с другом. — Постовенцев начал потихоньку закипать. Бабка же осталась невозмутима.

— Ну так не пререкайтесь со мной, а заполняйте протокол.

«Вампир, — подумал капитан обреченно, — с утра ко мне пришел энергетический вампир. Сейчас высосет всю позитивную энергию, и к обеде я буду как вареный сельдерей».

— Как вас зовут?

— Анастасия Александровна. Я, кстати, — добавила бабка не особо к месту, — заслуженный педагог.

— Анастасия Александровна, вот если бы я пришел к вам в школу и начал указывать, как учить детей, что бы вы мне сказали?

Бабка смирила Постовенцева презрительным взглядом:

— Я бы вас на порог не пустила. Вы снова отвлеклись от темы. Прикажете мне уйти и направиться в прокуратуру, чтобы сообщить об отказе в принятии заявления?

Постовенцев сдался и достал бланк протокола; в глазах бабки промелькнуло удовольствие: все пошло по ее. Ей бы еще знать, что в эти секунды оперуполномоченный от души желал пропасть не только непутевой бабкиной дочери, но и самой бабке, может, удовольствия у нее и прибавилось бы; однако внешне капитан свое раздражение не выдал и приступил к рутинной процедуре: кто такая, когда ушла, откуда ушла... Бабка выложила на стол свой паспорт, а рядом — фотографию женщины лет тридцати, симпатичной, но с каким-то затравленным взглядом.

— Это моя дочь Анна. Ведиляева Анна Александровна.

— Дата ее рождения?

— Двенадцатое апреля тысяча девятьсот восьмидесятого года. Тридцать один год.

Постовенцев мельком посмотрел на вторую страницу бабкиного паспорта: да ей едва за пять-

десять, оказывается, это просто выглядит она такой мымрой.

— Когда вы в последний раз видели свою дочь?

— Двенадцатого вечером.

«Два дня назад, — подумал капитан. — Не так-то плохо. Гуляет женщина где-нибудь, не задумываясь о том, что мать-карга по милициям бегает».

— Что произошло перед ее уходом?

Бабка взглянула надменно:

— Я вас не понимаю.

— Перед уходом Анны вы не ругались? Не ссорились?

— Почему мы должны были ссориться?

«Господи, дай мне сил», — взмолился про себя капитан.

— Перед уходом Анны из дома состоялся между вами какой-нибудь разговор?

— Разумеется, состоялся. Мы живем в одном доме и общаемся постоянно.

Постовенцев готов был уже швырнуть бабке незаполненный протокол и сказать, чтобы она шла с ним в прокуратуру, в Следственный комитет, в Верховный суд по правам человека и даже в преисподнюю, но Анастасия Александровна Ведиляева то ли почувствовала его решительное настроение, то ли просто сжалась над капита-

ном, потому что принялась рассказывать почти без паузы:

— В девятнадцать ноль-ноль я села писать письмо своей давней подруге. Анны еще дома не было. В начале девятого я закончила письмо, запечатала его в конверт и сразу отправилась звонить дочери, потому что в двадцать один ноль-ноль ей необходимо было находиться дома, я хотела выяснить, далеко ли она пребывает.

— А зачем ей в девять нужно было быть дома?

— Не в девять, а в двадцать один ноль-ноль. Мы говорим о вечернем времени.

— Хорошо.

— Ей необходимо находиться дома, поскольку имеется утвержденный график.

Утвержденный матерью график возвращения домой имел бы смысл для девочки восьми лет, мог как-то воздействовать в тринадцать, но в тридцать один показался Постовенцеву несколько бессмысленным. Для очистки совести он спросил, была ли пропавшая дееспособной и не имела ли отставания в развитии. После чего получил гневную отповедь и обещание немедленно отправиться к начальству с заявлением о его хамском поведении. В итоге капитан смирился со своей участью и стал просто записывать за бабкой ее неторопливое повествование.

Из последнего следовало, что Анна Ведиляева ушла из дома после конфликта с матерью, возникшего из-за опоздания. Появившись в начале десятого, она нарвалась на выговор, после чего, по словам карги, «повела себя неадекватно»: устроила истерику, заявила, что уходит навсегда, собрала вещи и вылетела из дома, хлопнув дверью.

На этом месте капитан мысленно поаплодировал пропавшей. Бабка, разумеется, рассчитывала на немедленное возвращение блудной дочери, но та не появилась ни на следующий день, ни через день, да еще и перестала отвечать на телефонные звонки. После этого карге ничего не оставалось, как обратиться за помощью к правоохранительным органам.

— Где сейчас может находиться ваша дочь, вы, конечно, не в курсе, — пробормотал капитан скорее для себя, дописывая последнюю строчку.

Бабка возмущенно фыркнула:

— Хорошая была бы я мать, если бы не знала! Она у своего дружка.

— Так вы знаете, где она?!

— Разумеется.

— Зачем тогда... — У Постовенцева не хватило слов, он только смотрел то на невозмутимую бабку, то на заполненный протокол. — Безвестное исчезновение — это когда человек пропал без вести! Бе-ез ве-ес-ти-и!

— А у меня и нет от нее вестей. И на порог она меня без милиции не пустит. Дверь не открывает. А у меня имеются основания полагать, что в отношении нее, пользуясь ее беспомощностью, совершаются противоправные деяния.

Бабка загнула фразу совсем как из постановления о возбуждении уголовного дела — не иначе тренировалась перед походом.

Постовенцев, секунду подумав, принял единственно верное решение:

— А давайте-ка мы сейчас съездим на это место и посмотрим, что за противоправные деяния там совершаются...

...Разрешилось все достаточно быстро. Выехав на место, капитан без особого душевного смятения вошел во двор частного домика, где сразу и обнаружил пропавшую без вести Ведиляеву, мирно ощипывавшую курицу. Увидев милиционера, она выронила тушку в тазик с водой и убежала в дом, откуда немедленно выскочил мужик лет тридцати пяти и стал орать, что капитан вторгся на частную территорию и совершил незаконное проникновение в его владения. Благо старая карга оставалась в патрульном «уазике».

Постовенцев коротко, но доступно объяснил, где и при каких обстоятельствах он желал бы видеть и частную территорию, и владения, и са-

мого мужика, после чего изложил цель приезда. Ставший несколько покладистее мужик привел из дома Ведиляеву, которая высказала желание дать письменное объяснение, что ее никто насильно не удерживает, с гражданином Полоцким она проживает по своей воле, тогда как к карге, напротив, больше никогда не вернется. Последние слова услышала вылезшая-таки из патрульки бабка, разгорелся скандал, не без труда улаженный с помощью водителя «уазика».

Для проформы отобрав пару объяснений и заявление о прекращении розыска от бабки, Постовенцев оставил семейство самому решать душещипательные вопросы и уехал в отдел.

Регистрируя материал в дежурной части, капитан отметил необычное оживление: дежурный нервно орал на кого-то по телефону, от отдела отъехало сразу три служебных автомобиля, в воздухе висело напряжение. В отделе он работал не так давно, перевелся в Борисовский ОВД два месяца назад из тихого Ленинского района, поэтому верную оценку возникшей суете давать и не пытался. Получив материал, он отправился в уголовный розыск, где у входа столкнулся с комитетским следователем Королевым, который проскочил мимо, торопливо поздоровавшись, а возле двери в свой кабинет — с начальником розыска. Газиев с напряженным темным лицом

стремительно прошел мимо, заметил Постовенцева и бросил на ходу:

— Макс, бери Алексея и Романа, летите в Степной. У нас труп из «серии».

— Из какой «серии»?

— Маньяк из хутора объявился.

Постовенцев вопросов задавать не стал, хотя ничего и не понял, поспешил в кабинет к Демьяненко, тот как раз собрался уходить. Капитан торопливо объяснил ему ситуацию и поинтересовался:

— Что за маньяк? Какая «серия»?

— Плохо дело, — озабоченно пробормотал Демьяненко, закрывая и опечатывая сейф. — Дягилеву уже говорил?

— Нет, не говорил. Что за маньяк-то, Леш?

— Да вот маньяк у нас. — Голова Алексея была занята явно другим; он поспешно вышел из кабинета, пропустив вперед Постовенцева, быстро закрыл дверь на один оборот ключа и пошел вперед по коридору. Когда к ним присоединился Дягилев и вся троица торопливо села в его машину, над Постовенцевым сжалились.

— Восемь лет назад на территории начались убийства девушек, — пояснил ему Роман, заводя автомобиль. — Убивали одним способом: душили, насиловали, потом обливали бензином и поджигали. И все время летом, с июня по август. В две

тысячи шестом было совершено последнее убийство, после чего все прекратилось. Был, правда, еще один труп, девочку пятнадцатилетнюю изнасиловали и сбросили в канал, но то убийство с «серией» не связали, хотя все признаки были налицо. — Машина вывернула с пятачка перед отделом и выехала на проезжую часть. — Там подзреваемый был установлен, в розыск объявили, только без толку. И вот все-таки опять выстрелило, и снова возле хутора Темного. Там до Степного — два километра.

— А с чего вы взяли, что это убийство тоже из «серии»?

— Так это же ты мне сказал.

— Я?!

— Ты откуда про маньяка узнал?

— От Газиева. Он сказал, что... ах ты черт, вспомнил. Ну хорошо, а он с чего взял «серию»?

— Приедем на место — посмотрим. Официально, кстати, никакой «серии» нет, в комитете дела возбуждены по факту убийств и в одно производство не соединялись.

В поселок Степной они приехали позже следователя Тараненко, который на своей BMW примчался за считанные минуты, заодно захватив и судебно-медицинского эксперта. Место происшествия они увидели издалека: черный автомобиль следователя, «Нива» участкового, два граж-